

Текст · 17 мая 2020, 12:08
Юлия Сугуева, Александр Бородихин,

«Вместе с коронавирусом бушует другая респираторная инфекция? Ну это бред». В Дагестане почти 700 человек умерли от пневмонии

В ночь на 17 мая министр здравоохранения Дагестана Джамалудин Гаджиibraгимов рассказал, что от «внебольничной пневмонии» в республике погибли почти 700 человек. Общее число заболевших коронавирусом и «внебольничной пневмонией» в Дагестане оказалось в несколько раз выше официального: 12 697 человек против 3 280. Гаджиibraгимов добавил, что от *COVID-19* и пневмонии скончались более 40 врачей.

О тяжелой ситуации в республике на фоне коронавируса писали EADaily и «Медуза», однако официальные данные появились сейчас.

«Мы только вышли на плато: рост стал переходить в горизонталь, — говорил глава Дагестана Владимир Васильев неделю назад. — У нас непростая ситуация не только с *COVID*, но и во многом очень сложные процессы в части внебольничной пневмонии. Как я это понимаю, мы во многом повторяем (понятно, масштабы не те) Москву, куда приехало много людей из-за пределов страны. Такое же произошло и в Дагестане».

Васильев 12 мая в эфире телеканала РГВК «Дагестан» приводил конкретные данные: «Я понимаю, что люди

требуют цифр, статистики.

Я их озвучу: от коронавируса у нас умерло 26 человек и 481 от внебольничной пневмонии».

Он также рассказал, что по сравнению с апрелем прошлого года, в 2020 году в Дагестане на 28 апреля рост вирусной пневмонии составляет 33,6%. Васильев констатировал, что ежедневно в регионе пневмонией заболевают 600-700 человек.

Многим заболевшим и умершим диагностируют пневмонию, а не коронавирус, рассказывали «Медиазоне» жители республики еще неделю назад.

«Умерла мать 28 апреля, ей было 55 лет. Дома она три-четыре дня болела, слабела. Мы думали, что это как грипп идет. На четвертый-пятый день, она еле ходила. Я повез ее в больницу. Помню, это было в субботу, и нужно было сделать снимок КТ, а там очередь на него была до среды», — вспоминает житель Хасавюрта Ибрагим.

25 апреля он повез мать в центральную городскую больницу, где тоже было много посетителей, но женщину все же приняли: на томографии у нее обнаружили двустороннюю пневмонию. По словам Ибрагима, после осмотра им выписали рецепт и отправили лечиться на дом, поскольку в больнице не хватало мест. Через два дня женщине стало хуже, и родные позвонили в скорую.

«Нам сказали, что машин нет, водители болеют. Я сам повез ее, еле-еле посадил ее в машину. Поехал в больницу. Там ее сразу положили в реанимацию. И на второй день она умерла», — говорит Ибрагим.

Врач сообщил семье, что женщина скончалась, когда ее переводили на ИВЛ.

«Это ночью было, я стоял на улице в это время. Пока я там стоял, один человек умер, потом моя мать умерла, потом третий человек умер. Это за минут сорок, — вспоминает мужчина. — Врачи ничего не говорят, там и врачей нет, не хватает. Там вообще хаос творится». Он говорит, что не смог получить никаких документов, когда забирал тело матери — врачам было не до того.

Вместе с матерью в больницу попал 35-летний старший брат Ибрагима, но ему уже стало лучше: «Анализ на коронавирус у них вроде не брали. У нас у соседей тоже взрослые люди умерли, вообще в городе много людей умерли, просто не показывают что ли, не говорят».

37-летний предприниматель из Кизляра Магомед и его жена попали в центральную городскую больницу 18 апреля. Им тоже диагностировали двустороннюю пневмонию.

«Мы с супругой сначала боролись дома — она у меня болеет онкологически — но не перебороли. Врачи, конечно, смотрели за нами идеально, а с медикаментами были проблемы. Взяли у нас анализы [на коронавирус], но отчеты нам так и не дали, — рассказывает Магомед. — Полностью потерял я запахи, вкусы. Я даже воду когда пил, как будто яд пил, такое ощущение было. Аппетита не было, я похудел на 13 килограмм».

Магомеда с женой выписали через две недели: он не слышал, чтобы в больнице лежали люди с коронавирусом, однако за это время, по его словам, там умерло много людей. «Конечно, смертность у нас в Дагестане большая, по крайней мере, в Кизляре. Каждый день [умирали], легкие закручивались у людей. Один день было 15 [смертей], а так три-четыре-семь. А пишут, что умерли вообще мало», — говорит он и добавляет, что в больнице до сих пор лежат его родственники: мать, тетя и дядя.

«У нас весь Кизляр так болеет. Больницы полные. И врачи ни при чем, виновато правительство, которое не дает им ни лекарства, ни денег на лекарства, — уверен Магомед. — Вот у нас фельдшер тут умер, русский мужик. Все ему деньги переводили на похороны, и так держится весь Дагестан — кормят, помогают, лекарства покупают, врачам форму покупают».

Дагестанский правозащитный проект «Монитор пациента», который помогает с получением медицинской помощи, объявлял о сборе денег на средства защиты для республиканских врачей. Руководитель проекта Зияутдин Увайсов говорит, что ситуация с пневмонией в республике ужасная: «Все больницы полностью переполнены. И эта пневмония переходящая, то есть заразная. Так что можно прийти к выводу, что это практически 100% и есть коронавирус. Во многих населенных пунктах может треть села болеть. Массового обследования населения нет, чтобы сказать, что у них. Бывает же и легкая форма, незаметная для человека. Во многих селах умирают по несколько человек в

день. Медперсонал находится без средств защиты поголовно, хотя в специализированных больницах ситуация относительно нормальная».

Он подтверждает, что лекарств не хватает, и люди вынуждены приобретать их самостоятельно — причем дефицит не только в больницах, но и в аптеках. Более того, с начала пандемии препараты сильно выросли в цене.

«Сроки тестирования [коронавируса] ужасные. У знакомого адвоката мать лежала с подтвержденным коронавирусом, а он с пневмонией. У него брали анализ, потом сказали, раз положительный анализ не пришел — у него отрицательный, но после лечения ему пришел положительный ответ. Один мой знакомый умер, однокурсник умер, его отец тоже умер. Я считаю, что это коронавирус, [но какой диагноз] им поставили, я не знаю», — заключает Увайсов.

42-летний Шамхал (имя изменено) из Хасавюрта тоже переболел вместе с семьей. От пневмонии у него скончались отец и тетя. «Заболели я и отец 2 апреля. В конце концов мы вызвали врача. Она сказала, что вроде все хорошо. Через два дня снова пришла, выслушала хрипы у отца, мы его отвезли в больницу. Его положили в неврологию [в центральной городской больнице]. Сделали отцу КТ, сказали, что у него двусторонняя пневмония», — рассказывает он.

После этого в частной клинике снимки компьютерной томографии сделали мать и сестра, и у них тоже обнаружили пневмонию. Следом в эту же

клинику обратился сам Шамхал с женой и старшим сыном, пневмонию обнаружили только у него.

«Я, сестра и мать 7 или 8 апреля легли в больницу. Нас положили в отделение, которое перепрофилировали под коронавирусное отделение. Мы ждали почти час в скорой, пока положат. Мы втроем были первыми [пациентами]. В ту же ночь это отделение полностью заполнилось, — рассказывает хасавюртовец. — Кто-то плакал, кто-то тихо [лежал]. На третий день тетю мою тоже положили».

По его словам, сначала в палатах лежали по одному, но потом людей стали добавлять, потому что мест не хватало. Тете Шамхала стало хуже, и ее перевели в реанимацию, на аппарат ИВЛ. 22 апреля Шамхала, его мать и сестру выписали из больницы, а на следующий день тетя умерла.

«Тете было 67. Я, когда ходил за телом, видел, что там много людей на аппаратах ИВЛ. Они уже не жильцы были. Как мне кажется, очень поздно переводят. Когда [человек] уже безнадежный, в туалет сам не может пойти, они переводят, может, чтобы проблем избежать», — говорит Шамхал.

По его словам, в день когда он приехал в больницу за телом погибшей, один из врачей сказал ему, что он забирает «восьмой труп за день». Его отец лежал в больнице больше двух недель, и лечение не приносило никакого результата. Потом отец позвонил Шамхалу и сообщил, что его хотят перевести в реанимацию.

«Врач говорит: “Да, надо”. Отец говорит: “Я не поеду, мне нельзя”. Отцу была проведена операция на сердце лет десять назад, шунтирование [делали]. И его там предупредили, что ему нельзя наркоз. “Наркоз — это смерть для вас”, — ему сказали. Отец очень боялся от сердечного приступа умереть», — говорит Шамхал.

Мужчина решил забрать отца из больницы. Он взял у знакомых домашний «кислородный аппарат» и 24 апреля перевез отца домой, написав отказ от госпитализации.

«Первое время ему стало лучше, да и в больнице с этим кислородом беда, не всем хватает его. Я его забрал, и через два дня ему стало хуже-хуже-хуже, и у меня на руках он скончался», — говорит мужчина.

Шамхал говорит, что у всей его семьи брали анализ на коронавирус, результаты оказались отрицательными, но мужчина считает, что у них его брали неправильно: «Я видел в интернете, как его берут, я не думаю, что у нас правильно его брали. Просто в носу немного поковырялись, неглубоко. У нас у всех в отделении отрицательные [результаты] пришли. Мне знакомые врачи говорят, что все результаты приходят отрицательные, но больницы-то заполнены».

По его словам, они тоже не получили никаких документов при выписке, из-за ажиотажа, творившегося в больнице.

«Одну женщину там забирали на вертолете, мне ее родственник сказал, что он подсуетился, чтобы ее

забрали в Махачкалу. Суется надо же есть, чтобы людей забирали в Махачкалу», — говорит Шамхал.

Эвакуация больного с труднодоступного высокогорного Бежтинского участка в Махачкалу. Фото: dagpravda.ru

По словам врача-терапевта одной из хасавюртовских больниц, попросившего не называть его имени, скорее всего, люди больны именно коронавирусом, но «его позиционируют как пневмонию». «Фактов у меня нет, чтобы вскрыли, доказали. Но мы же врачи, клиническое мышление для того и нужно, чтобы по совокупности фактов решать, что это за диагноз. Просто во всем мире сейчас пик эпидемии, что это еще может быть? Вместе с коронавирусом бушует какая-то другая респираторная инфекция, которая вызывает пневмонию, а коронавирус отдельно где-то протекает? Ну это бред», — уверен он.

По его словам, медиков не хватает в основном в реанимации, а в других отделениях часто лежат пациенты, которых в принципе не обязательно

было госпитализировать. «Пошли себе просто делать томографию на фоне всеобщей истерии, у них обнаружили изменения в легких, и они побежали лежать в больнице, хотя до этого чувствовали себя хорошо и никаких симптомов у них не было, — объясняет он. — Конечно, в реанимацию просто так не положат. [В больнице, в которой он работал] сейчас 25 человек. В один из дней умерло 11 человек».

При этом, говорит он, многие врачи сами заболели или ушли, потому что тяжело получить больничный. По его словам, в больницах ощущает «колоссальная нехватка» реаниматологов, людей, которые должны уметь управлять ИВЛ: «Это в принципе самая дефицитная специализация среди врачей, их и до коронавируса было меньше, а сейчас их еще сильнее не хватает из-за большого количества пациентов, к тому же они сами стали болеть».

Редактор: Сергей Смирнов